

Морской козел

Автор:

Евгения Михайлова

Морской козел

Евгения Михайлова

«Несчастье было таким жестоким, таким непоправимым, что оно просто придавило Артемия Петровича. Он уже не первый час полулежал на диване, хватая воздух открытым ртом. Он видел себя со стороны, знал, что похож на большую, белую, умирающую на суше рыбу и не мог даже шевельнуть рукой для собственного спасения. Вот она, смерть в одиночестве...»

Евгения Михайлова

Морской козел

© Михайлова Е., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Несчастье было таким жестоким, таким непоправимым, что оно просто придавило Артемия Петровича. Он уже не первый час полулежал на диване, хватая воздух открытым ртом. Он видел себя со стороны, знал, что похож на большую, белую, умирающую на суше рыбу и не мог даже шевельнуть рукой для собственного спасения. Вот она, смерть в одиночестве. Артемий всегда понимал, как это страшно. Но теперь, в этот черный беспросветный миг, он приветствовал

свое одиночество. Никого не хотел бы он видеть сейчас рядом с собой. И не нужен ему пресловутый стакан с водой.

Несчастье, которое его убивало, называлось унижением. Он бы предпочел сгореть заживо на костре, только не это. Не издевательское, садистское, предательское истребление всего, чем он жил. Не взрыв, который разнес в клочья его иллюзии. Артемий никогда не допускал сомнений в своей исключительности. Его жизнь, по сути, – это поиск подтверждений. Он их находил! Подтверждения были произнесены, были написаны на бумаге. Они были правдой! И все завалено, задавлено парой чудовищных, преступных фраз. И горше всего то, что он поверил именно этим фразам. Прекрасной руке, которая их написала.

Он сумел изменить позу, скрючиться между диванными подушками. Боль была острой и нестерпимой. Но вздохнуть удалось. Значит, это не сердце, не инфаркт. Значит, это душа. Душа материальна, раз так страшно болит, как будто ее режут скальпелем без наркоза.

Он добрался до ванной и понял, что лежал на диване, умирая, вечер и полночи. Вспышка яркого светильника у зеркала обожгла слизистую глаз. Артемий смотрел сожженными глазами на отражение седого, мятого и жалкого старика. Он думал, что ничего ужаснее в жизни не видел. Этот богатый старик – нищее ничтожество. Он – посмешище. Он – повод для грубой шутки той, в ком наконец нашел идеал. Над ним надругалась, его растоптала и отбросила со смехом ногой та, которой он готов был служить на коленях. Та, в которую он вложил все свои надежды и свою последнюю страсть.

Артемий Гусаров был писателем. У него выходили красиво изданные, дорогие книги, его узнавали по портретам. О нем печатали длинные хвалебные рецензии серьезные критики с именами. Артемий вел переговоры с продюсерами и режиссерами об экранизациях. Были даже ролики с голливудским, очень известным продюсером, который говорил: «Гусаров – это будет бомба в кино». Проходили годы и десятилетия, но обещанной бомбы все не было.

Это и не бывает просто, понимал Артемий. Надо работать. Надо встречаться, объяснять, рассказывать. Надо, наконец, чтобы его романы прочитали по-настоящему профессиональные люди со вкусом и способностью понять чужую богатую душу. Душу гения. Артемий давно уже сказал себе это слово. Иначе ведь и не назовешь творца, который не может не общаться с миром с помощью

таких произведений. Каких? Таких, которые будут окончательно поняты не сегодня. Они прозвучат и через века. А пока на их пути мелкая человеческая суета, измененные интересы, заказы, авансы, корысть тех, кто понимает ценность культуры лишь в суммах прописью...

И Гусаров щедро платил. За свои интервью в газетах, за портреты, за обещания продюсеров, за издания и переиздания книг в разных странах. Он начал издаваться, будучи богатым человеком. И был уверен, что каждую минуту приближает свой формат существования. Известность и богатство – это уже есть. А впереди вкус настоящей славы. И в качестве бонуса – прекрасная, идеальная спутница жизни, которая оценит его гений совершенно бескорыстно. Она просто полюбит. Она не сможет не ответить на его призыв, когда он найдет такую женщину.

До сих пор идеальный женский образ существовал лишь в его произведениях. А по жизни прошлись склочные, жадные бабы, которые семьей считали ежедневную пошлую торговлю. Они вырастили его дочерей своими подобиями.

Артемий до боли сжал веки. Он понял, что не может больше смотреть на себя. Что не сможет раздеться и увидеть дряблое, обвисшее тело. Тело никому не нужного, забракованного, заклеянного мужчины. Тело козла.

Он добирался до кровати, держась за стены. В темноте лег в одежде поверх покрывала. Провалился то ли в обморок, то ли в тошнотворное забытье, в просветах призывал ночь, чтобы послала глоток свежего воздуха. Ему казалось, что он задохнется от собственного нечистого запаха. И ночь сжалась. Ночь послала... Тот самый день.

Артемий очень хорошо выглядел в тот день. Парикмахер в гостинице Иерусалима красиво уложил его богатую серебряную гриву. Его светло-карие глаза сияли в зеркале, как на самых лучших портретах. Это был взгляд мудрого человека, который любит и понимает всех людей, а сам даже не претендует на понимание. Его устраивает его положение непонятого гения, которого каждому только предстоит узнать и понять. Белая рубашка и бежевые брюки отлично сидели на крупной, статной фигуре. Он всего несколько дней в стране, побывал на двух пляжах, а морской воздух уже позолотил его кожу.

Артемий приехал на книжную ярмарку Иерусалима. Организаторы его отлично встретили. Его книги занимали почетное место. У стенда постоянно толпились журналисты. Артемий такие мероприятия никогда не пускал на самотек. Он шел легкой, энергичной походкой, улыбался знакомым. Подписывал желающим авторские экземпляры своих книг. Он всегда дарил книги, не допуская, чтобы читатели покупали их.

Эту женщину он заметил, когда вошел в маленькое кафе выпить кофе. Хрупкая, нежная, с прекрасным лицом, которое показалось ему знакомым. Он так ей и сказал, остановившись у столика, за которым она пила воду со льдом.

– Я не мог вас где-то видеть? – И представился: – Артемий Гусаров, писатель.

– Меня вряд ли, – улыбнулась женщина. – А мои фотографии могли видеть на книжной ярмарке. Как я видела ваши. Меня зовут Кристина. Кристина Карева, вряд ли вы слышали это имя. Я пишу скромные дамские романы. И читают их только женщины. В основном домохозяйки.

Артемий опустился рядом с ней за столик. На самом деле он просто пал, поверженный. Он мог бы придумать такой женский образ. А написать бы побоялся, так это было нереально. И просто не может быть, что такая женщина встретилась ему в этом маленьком кафе, в этом жарком и благоуханном городе, на пороге его будущих громких триумфов. В этом месте они казались такими очевидными.

Вечером они гуляли по городу. Затем пили кофе в его номере. Артемий не узнавал себя. Он не говорил о себе, он расспрашивал о ней. И все, что говорила Кристина, казалось ему откровением. Он попросил ее рассказать содержание хотя бы одного ее романа и почувствовал, как слезы потрясения, изумления закипели у него в глазах. Ее сюжеты были очень женские, и звучали они пронзительно по-женски, а в его сердце это нашло острый и щемящий отклик. А сама Кристина... Она нравилась ему так отчаянно, бешено, нестерпимо, что он боялся лишнего слова и вздоха, чтобы не выдать себя и не отпугнуть ее. И слышал, как будто со стороны, свой робкий голос, свои корявые слова, каких никогда вроде не произносил. Он говорил: «Я вас по-дружески уважаю, я вами профессионально восхищаюсь, я готов вас на коленях по-дружески благодарить за искренность и внимание ко мне».

Кристина уехала на такси с пакетом его подарочных изданий. Артемий даже не решился ничего написать над автографом. Он и автограф не поставил. Просто написал школьным почерком: «Гусаров».

Ночью Артемий пролетел свою мужскую жизнь в обратном направлении – к точке, с которой она начиналась. Он ворвался в тот незабываемый, чистый и беспощадный огонь.

Свою раннюю юность Артемий преодолевал в строгой, пуританской семье. В такой семье детям не говорят правду о том, как они появились на свет. Тайна отношений родителей за семью печатями. Муки собственной плоти, очень долго не понятые, не расшифрованные, застали Артемия врасплох. Ему не с кем было этим поделиться. Его тело рвалось на части, сердце билось на пределе, а он даже не знал, чего именно хочет. Он не знал, как называется то, что с ним происходит. Почему его бросает в жар при виде колена соседки. Обычной тетки, которая еще вчера была ничем не примечательна. Почему он взмокает до нитки, налетев на девочку-одноклассницу, которую недавно даже не замечал. А по ночам он пылал и мечтал. Он страдал и находил в том высшее счастье.

Юный Артемий влюблялся в собирательный женский образ из чужих книг. Его первым опытом любви были, пожалуй, эротические сны с бесплотными видениями. Они мало общего имели с живыми женщинами, которых он встречал. Наверное, именно так он и поверил в свой талант: воображение помогало ему преодолеть контраст между тем, о чем он мечтал, и тем, что получал. Где-то в этом постоянном раздвоении и родилось представление об особой миссии, о собственной уникальности, о том, что результат должен готовить ты сам. Это твоя работа.

И Артемий строил свое здание будущего неутомимо. Фундамент – деньги, это было яснее всего. Он вошел в бизнес, скрывая от всех, что это абсолютно неприемлемый для него способ существования. Просто в жизни все так грубо. Жизнь в принципе приспособлена только для грубых людей. И он должен ее обмануть. Что-то захватить, урвать ради только ему понятных высоких целей. Юношеский тайный восторг и трепет стали горько-сладким прошлым. А по жизни Артемий встречал обычных женщин, попадал в тюрьму неудачных браков и приходил к выводу о том, что только гениям и даны несбыточные мечты о страсти к идеалу. И посылаются они выше тем, кому суждено оставить миру бессмертные творения.

И в ночь после встречи с Кристиной все прежние желания вернулись. Вернулись в самом невыносимом варианте. Он встретил тот идеал, ту мечту мальчика-мужчины, которой просто не могло быть на грубой и некрасивой земле. Но он встретил ее! И в этом не могло быть сомнений. Такой страсти, какую он в эту ночь испытал, вспоминая ее взгляд, ее губы, прядь волос, – такой страсти он не мог себе даже представить. Видеть перед собой в темноте ее грудь под закрытой блузкой, ногу под шелковой юбкой было высшей мукой и высшим наслаждением. Артемий даже боялся представить себе наготу Кристины. Его сердце могло бы разорваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/morskoy-kozel

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)